

Живет в Москве (Россия). О себе: "Поэт, литературовед. Стихи публиковались в русской и зарубежной периодике. Член Союза писателей, Союза журналистов России".

* * *

Когда рвётся в окна мои разлохмаченный лес,
И лает собака, как будто кто умер иль болен,
Я вижу: вот лампа горит. И гвардеец СС
Старательно пишет: «Моя драгоценная фрейляйн...»

Я, тихо присвистнув, встаю у него за спиной.
(Детьми мы в лесу находили осколки снарядов).
Пиши ей, пиши! Плачь и верь - ей не нужен другой.
Пусть вымокнут строки. Она всё равно будет рада.

В Можайском лесу в равных долях костей и свинца.
Слизни с пальца кровь - она терпким покажется мёдом.
В бою и в любви он обязан стоять до конца -
Тот худенький немчик, из влажной Баварии родом.

Завидую я. Хоть и знаю: у всех на глазах
Он будет убит, как и жил -и легко, и поспешно.
"Моя драгоценная фрейляйн..." - он пишет в слезах.
"Моя драгоценная" - я повторяю с усмешкой.

Извилист мой лес, как на платье девичьем тесьма.
Эсэсовец будет писать ей: он парень упёртый.
Окопы в тумане. Она не получит письма.
Но разве в любви это важно - живой или мёртвый?

ОДА ГОЛЛИВУДУ

Возьми орех миндальный, расколи,
Сожми в горсти, как зернышко опала...
На старой киноплёнке Вивьен Ли
Так слепо любит мужа-адмирала.
Враньё! Да этот Нельсон ей не муж!
Им просто нужен повод дать для сплетен.
На похоронный марш бравурный туш
Легко меняют в голливудском лете.
От всех уйти, зажмурясь - в темень, в склеп,
И слышать лишь, как горько пахнет щавель...
"Кто болен, иль несчастен, или слеп -
Тому свои глаза я завещаю!"-
Сказала Вивьен перед вечной тьмой
С отвагой детской, никому не нужной...
А Лоренс - тот, что Нельсон - был слепой:
Не видел он рассыпанных жемчужин.
Гэрл-скаутский облупленный значок,
На завтрак - жёлтый хлеб, какао, пшёнка...
И миндаля расширенный зрачок,
Мохнатыми тенями опушённый.
Что ж, время и бесстрастней, и нежней
Само расставит точки и кавычки...
Но мертвым леди зрение нужней!

Мы ж слепы все - что сделаешь? Привычка...

ШАГАЛ

Пятнадцати лет я шагнул в предрассветную хмарь.
Оставил квартал свой, где сплетни дороже, чем вести.
А помню лишь только на кладбище древнем фонарь -
Такой же неяркий, как осень в еврейском предместье.

Хотел я узнать у своих, дуралей - мальчуган -
Вон те, под камнями, - то люди иль все же не люди?
А слышалось им: «Это правда, что смерть - ураган?
И как мне смириться, что нас в этом мире не будет?»

Хотел я узнать, как устроен флагшток корабля
И есть ли такие суда, что летают по небу...
А слышалось им: «Рай - не небо. Рай - это земля.
Простая земля с кислым запахом пресного хлеба.»

В субботу, когда свою Тору читает раввин,
Встречал я курчавых красоток - их было так много.
Я вовсе не робок. Я им о любви говорил.-
Меня принимали, смущаясь, за глухонемого.

Дай, Боже, мне речь! Дай мне жизнь - как у всех и как встарь!
А после кидай меня в землю - остывшее семя...
И будет все так. Иль иначе. И только фонарь
Всегда загорится в свое отведенное время.